

Е. В. Белокуров

Продовольственная кампания 1901–1902 годов: к вопросу об организации продовольственного дела в России (конец XVIII – начало XX века)

Аннотация: в статье рассматривается создание в конце XVIII в. системы продовольственного обеспечения населения России при неурожаях, ее реформирование на протяжении XIX в. и особенности функционирования на различных уровнях (сельские хлебные запасы и капиталы; виды продовольственных капиталов — общеимперский, губернские и др.) в пореформенную эпоху. Анализируются причины реформы продовольственного дела в 1900 г. и ее итоги; освещается проблема уровня потребления хлеба населением России в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: история, голод, продовольствие, уровень потребления, неурожай, реформа, благотворительность, земства, Красный Крест, статистика.

В обширной научной литературе, посвященной сельскому хозяйству Российской империи в пореформенный период, не получила должного освещения проблема развития системы продовольственного обеспечения населения при неурожаях. В массовом сознании предреволюционная эпоха ассоциируется с недоеданием и частыми голодовками крестьян: «...о народных страданиях в пореформенной России так или иначе слышали все ... в то время как существование в стране продовольственной организации, которая оказывала помощь голодающим, ... известно сравнительно немногим»¹. В литературе подробно освещена лишь борьба с голодом 1891–1892 гг.² Продовольственная кампания 1901–1902 гг., одна из наиболее масштабных и успешных³, была названа В. И. Лениным «борьбой с голодающими»⁴; это определение, с готовностью воспринятое советской исторической наукой, использовали для характеристики организации продовольственного дела в предреволюционную эпоху в целом. Мы рассмотрим меры правительства и общественности

по ликвидации продовольственного кризиса 1901–1902 гг. и их эффективность.

На рубеже XIX–XX вв. продовольственный вопрос обсуждали как правительственные круги, так и общественность. Изучались последствия неурожая⁵, в том числе их влияние на здоровье населения⁶, появились исторические обзоры продовольственного дела⁷. Велась полемика вокруг реформ системы народного продовольствия⁸. В таких условиях трудно было избежать политизации. Журналист, сотрудник газеты «Русское слово» А. С. Панкратов писал в 1913 г.: общество «напряженно ждало и пользовалось каждым самым незначительным случаем как средством борьбы. Голод потому был один из крупных козырей общества против надоевшей опеки (государства — Е. Б.)»⁹. Публицисты сообщали о масштабах бедствия, невнимании властей к нуждам населения, произволе

¹ Давыдов М. А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX вв. // О причинах русской революции. М., 2010. С. 249.

² Robbins R. G. Famine in Russia, 1891–1892: the Imperial Government Responds to a Crisis. New York; London, 1975.

³ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003. С. 228.

⁴ См.: Ленин В. И. Борьба с голодающими // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. т. 1–55. М., 1958–1965. Т. 5.

⁵ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русско-го народного хозяйства. Т. I, II. СПб., 1897; Сухоплюев И. К. Последствия неурожая в России. М., 1906 и др.

⁶ Жбанков Д. Н. Голод 1911 года // Общественный врач. 1912. № 1. С. 109–130; Сухоплюев И. К. Неурожай и массовые заболевания голодающего населения // Русская мысль. 1906. № 3. С. 42–54.

⁷ См., напр.: Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. Ч. I–II. СПб., 1892.

⁸ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. 2. СПб., 1909. С. 59–220; Продовольственный вопрос в 1897–98 гг. СПб., 1898 и др.

⁹ Панкратов А. С. Без хлеба. Очерки русского бедствия (голод 1898 и 1911–1912 гг.). М., 1913. С. 9.

бюрократии¹⁰. Чиновники указывали на преувеличенные масштабы голода прессой и депутатами Государственной думы¹¹, официальные отчеты МВД уличали прессу в искажении и недостоверности фактов¹². Политизации темы голода способствовали судебные процессы, на которых высокопоставленные лица (В. И. Гурко, П. В. Алабин) обвинялись в должностных преступлениях, совершенных во время продовольственных кампаний¹³.

Жесткая критика продовольственной системы звучала и со стороны представителей революционного лагеря. После революции восторжествовала негативная оценка усилий правительства в решении продовольственного вопроса¹⁴. В немалой степени этому способствовала публицистика В. И. Ленина, возведенная в догму¹⁵. Советская историография, постоянно упоминавшая проблему голода в дореволюционной России, редко освещала тему продовольственной помощи. Динамику продовольственных долгов населения исследовал А. М. Анфимов¹⁶. Вопросов продовольственной по-

мощи коснулся и писатель М. К. Касвинов, делая акцент на злоупотреблениях и недостатках, в результате чего общая картина получилась искаженной¹⁷. Иногда упоминания о продовольственной помощи сводились к повторению сложившегося еще в дореволюционную эпоху набора штампов. Характерна формулировка П. Н. Першина: «Царское правительство мало заботилось о бедствиях крестьян. Так называемая продовольственная помощь населению была мизерна. Бюрократические правила организации этой помощи преуменьшали размеры бедствия. Общественная помощь голодающим была ограничена и поставлена под надзор полиции и губернаторов. Да и никакая „помощь“ не могла избавить разоренные массы крестьянства от постоянно тяготеющей над ним опасности голодовок, поскольку не устранялись те причины, которыми они вызваны»¹⁸. В противовес большое внимание уделялось рассмотрению продовольственной помощи в период НЭПа¹⁹. В литературе утверждалось, что в 1921–1922 гг. «впервые в истории задачи спасения голодающих, снабжения неурожайных районов продовольствием, семенами для посева, инвентарем, многим другим впервые встали в центре внимания государства, ибо это государство — государство рабочих и крестьян»²⁰.

Успешно изучали проблему зарубежные исследователи²¹. Так, Р. Роббинс, проанализировал действия властей и общественности, направленные на ликвидацию голода 1891–1892 гг., и пришел к выводу, что они были эффективными²². Его работа, однако, подверглась критике советских исследователей²³.

В постсоветский период в отечественной науке интерес к теме возродился — с преобладанием позитивной оценки организации продовольственного дела

¹⁰ См.: Панкратов А. С. Без хлеба...; Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–99 года. М., 1906, и др.

¹¹ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1. С. 414–417; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2 кн. Кн. 2. М., 1992. С. 15. Акцизный чиновник К. Н. Теплоухов писал в воспоминаниях о газетных сообщениях о голоде осенью 1911 г.: «Вдруг из газет узнаю, что на Урале и в Зауралье, с обеих сторон — полный неурожай, голод; жители бегут во все стороны на заработки. А мы здесь в самом центре голода — не только не видели его, но и не слышали» (Теплоухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001. С. 205).

¹² См., напр.: Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Кн. 1. СПб., 1913. С. 586–591.

¹³ Подробнее см.: Бельгард А. В. Воспоминания. М., 2009. С. 338–341; Кони А. Ф. По делу действит. статского советника Алабина, обвиняемого в бездействии власти // Кони А. Ф. Судебные речи. 4-е изд. СПб., 1905. С. 751–764, и др.

¹⁴ Б. Н. Миронов отмечает, что в советской историографии «господствовали парадигмы, которые поддерживали минорную или черную тональность в трактовке прошлого: народ страдал и бедствовал; элита маниакально преследовала корыстные классовые интересы, забывая об интересах общества, государства и нации; самодержавие было озабочено только интересами дворянства и самосохранением; почти все реформы императорского периода были неудачны, так как задумывались с единственной целью сохранить прогнивший самодержавный режим...» (Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи /XVIII – начало XX в./: В 2 т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2000. С. 15). Поэтому голод был неотъемлемой частью описываемой в советской литературе жизни дореволюционного крестьянства (см.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 14. М., 1952. С. 625).

¹⁵ См.: Ленин В. И. Голод // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1968. С. 196–197; он же. Голод и черная дума // Там же. С. 117–120; он же. Каторжные правила и каторжный приговор // Там же. Т. 5. М., 1967. С. 289–294; он же. Помощь голодающим и думская тактика // Там же. Т. 13. С. 234–238 и др.

¹⁶ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. М., 1984. С. 118–124.

¹⁷ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. 3-е изд. М., 1989. С. 84–87.

¹⁸ Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. М., 1966. С. 59.

¹⁹ См.: Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975; он же. Недород 1924 г. и борьба с его последствиями // История СССР. 1958. № 1. С. 52–82.

²⁰ Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. С. 4.

²¹ См.: Мацузато К. Первая мировая война и изменение продовольственной системы Российской империи // Acta Slavica Iaponica. Т. 9. Sapporo, 1991. С. 68–107; он же. Хлебозапасная система в России. 1864–1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185–197; Robbins R. G. Russia's Famine Relief Law of June 12, 1900: A Reform Aborted // Canadian-American Slavic Studies. V. 10. № 1. 1976. P. 25–37.

²² Robbins R. G. Famine in Russia... P. 169–176.

²³ «Автор в значительной мере возрождает аргументацию охранительной публицистики и историографии, пользуясь для доказательства своих положений неправомерными аналогиями. Работа эта вышла в 1975 г., но до настоящего времени не получила ответа в советской историографии» (Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1988. С. 8).

на рубеже XIX–XX вв.²⁴ Г. Е. Корнилов рассматривает развитие системы продовольственной безопасности в дореволюционный и в советский период, основное внимание уделяя Уралу²⁵. Часто пишет о помощи населению при неурожаях в дореволюционной России М. А. Давыдов²⁶, в значительной степени опирающийся на положения А. С. Ермолова, книга которого остается наиболее полным и обстоятельным исследованием по данной проблеме. Во 2-й половине 2000-х гг. вышли сборники статей по продовольственной политике Российской империи и СССР, где затрагиваются вопросы продовольственной помощи²⁷. Появились исследования продовольственной системы на региональном уровне²⁸. Тем не менее проблема изучена еще недостаточно, что и побудило нас обратиться к ней.

Частые неурожаи в России делали насущной необходимостью продовольственную систему, способную прокормить население в годы бедствия и тем самым предотвратить голодные бунты, рост преступности и т. п. Низшее ее звено, существовавшее повсеместно в докапиталистическую эпоху, — хлебные запасы в сельских обществах²⁹. Система хлебозапасных магазинов, откуда нуждающиеся могли брать продовольственные и семенные ссуды в неурожайные годы, складывалась в городах и деревнях в течение всего XVIII в. Итогом ее развития стал закон 1799 г., обязавший завести хлебозапасные магазины во всех казенных и помещичьих селениях империи³⁰.

Указом «Об учреждении в каждой губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием» от 14 апреля 1822 г.,³¹ 30 апреля дополненным распоряжениями,

²⁴ См., напр.: *Круглов В. Н.* Царь-голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. Том 11 (159): Правда истории. М., 2011. С. 87–106.

²⁵ *Корнилов Г. Е.* Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // *Российская история*. 2011. № 3. С. 91–101.

²⁶ *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 254–304; *он же*. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX вв. С. 249–252; *он же*. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. С. 228–229.

²⁷ *Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.*: Сб. науч. статей. Оренбург, 2006; *Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии*: Сб. статей. Оренбург, 2007.

²⁸ *Манкевич М. К.* Сельскохозяйственной Производство и продовольственное обеспечение населения Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

²⁹ См. *Мацузато К.* Хлебозапасная система в России. С. 186.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Т. 25. № 19203. С. 895–899.

³¹ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 38. № 29000. С. 146–153. Здесь и далее все даты по старому стилю.

циркулярно разосланными Министерством внутренних дел губернаторам³², учреждались губернские комиссии продовольствия «для наблюдения и определения, в каких случаях и какие меры, судя по состоянию продовольствия в неурожайные годы, должны быть приемлемы». Для обеспечения продовольствия в губерниях заводились либо хлебные запасы в размере двух четвертей на ревизскую душу, либо денежные капиталы. Для образования запасов и капиталов ежегодно должен был взыскиваться сбор деньгами (25 копеек) или 4 гарнца хлеба с ревизской души в год. Если губернских запасов было недостаточно, комиссии продовольствия могли обращаться за ссудой к правительству. Хлебные запасы следовало содержать в магазинах, устраиваемых в крестьянских селениях. Разрешение на выдачу ссуд в помещичьих селениях давали помещики, в удельных — удельные конторы, в селениях свободных хлебопашцев и казенных селениях — комиссии продовольствия. Денежные пособия определялись комиссией продовольствия по представлениям уездных предводителей дворянства, казенной палаты либо удельной конторы. Правила не распространялись на Грузию, Бессарабию, Сибирь, прибалтийские губернии, а также на колонии иностранцев и магазины, «собственно по горной части существующие» (например, при Нерчинских заводах).

Большинство губерний выбрали натуральные запасы, и лишь 12 предпочли денежные капиталы³³. Однако быстро обнаружились и недостатки нового продовольственного устава. В годы неурожаев достаточных средств на борьбу с ними не оказывалось, поскольку на составление хлебных запасов и денежных капиталов в предусмотренных законом размерах требовалось соответственно 32 и 48 лет при условии, что натуральные и денежные сборы с крестьян будут поступать исправно. В 1827 г. в селениях удельного ведомства введены общественные запашки, урожай с которых должен был идти на пополнение хлебных запасов, а сбор хлеба и денег упразднен³⁴. Попытку распространить эту меру на помещичьих и казенных крестьян в 1828 г. отклонил Комитет министров³⁵.

В 1833 г. Россию поразил неурожай. Хлебные запасы в губерниях не достигали и половины от предусмотренного законом количества, денежные капиталы — трети, надзор над сельскими хлебо-

³² Там же. № 29025. С. 178–189.

³³ Исторический обзор правительственных мероприятий... Ч. I. С. 179.

³⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 2. № 1406. С. 819–821.

³⁵ Исторический обзор правительственных мероприятий... С. 207.

запасными магазинами был организован плохо³⁶. Учтя эти недостатки, особый комитет, созданный по приказанию Николая I, разработал новый продовольственный закон, утвержденный 5 июля 1834 г.³⁷ Согласно ему, продовольственная безопасность в каждой губернии обеспечивалась как системой хлебозапасных магазинов, так и системой денежных капиталов (в городах — только денежных капиталов). Ежегодные сборы, взимаемые с крестьян и мещан для составления хлебных и денежных запасов, были увеличены по сравнению с законом 1822 г.: на одну ревизскую душу предполагалось держать 1,5 четвертей хлеба и 1 руб. 60 коп. ассигнациями. Был усилен надзор за магазинами: даже чиновники, направленные министерствами и начальниками губерний для исполнения поручений, обязаны были при возможности осматривать магазины селений, лежавших на пути их следования. За хлебозапасными магазинами в казенных селениях следили казенные палаты, в помещичьих — уездные представители дворянства или земская полиция. Закон 1834 г. не распространялся на Архангельскую, остзейские, сибирские губернии и Грузию, где действовали собственные правила, а также на удельные, дворцовые имения, колонистов и царан³⁸ (для них имелись свои постановления).

После Манифеста 19 февраля 1861 г. сельские хлебные магазины временнообязанных крестьян стали собственностью крестьянских обществ, а назначение ссуды из них было отнесено к ведению сельского схода. С введением в 1864 г. земств большая часть обязанностей по помощи населению при неурожаях в земских губерниях передана в их ведение. Созданный общий по Империи продовольственный капитал состоял в распоряжении МВД на случай серьезных неурожаев³⁹. Продовольственная система приобрела вид, сохранявшийся вплоть до 1917 г. Она основывалась на принципе ссудной помощи и имела три уровня: натуральные запасы или заменяющие их общественные и сословные денежные капиталы, губернские продовольственные капиталы и общий по Империи продовольственный капитал.

Роль запасных сельских магазинов не ограничивалась помощью только при неурожаях: ссуды в большом количестве выдавались и в урожайные

годы⁴⁰. Причины этого были различными. Так, Верхнеднепровское уездное земское собрание в 1898 г. отметило: старосты сельских обществ, боясь отвечать за то, что хлеб в магазинах со временем придет в негодность (по данным собрания, ежегодная убыль хлеба по этой причине составляла 1 %), уговаривали крестьян подавать прошения о выдаче ссуд даже без особой нужды⁴¹.

Выдача ссуд требовала разрешения властей, тем не менее крестьяне смотрели на хлебные запасы, которые ими же и пополнялись, как на свою собственность. Новгородское губернское присутствие сообщало: «Крестьяне никак не желают усвоить себе точку зрения законодательства ... что одна уплата продовольственного сбора еще не дает права на ссуду. Народное понятие о справедливости не хочет примириться с этим воззрением и ведет с ним неустанную войну вот уже более тридцати лет»⁴². Корреспондент Вольного экономического общества (ВЭО) из Енисейской губернии сообщал: «Среди местного населения укоренился ... такой взгляд на хлебозапасные магазины, по которому они являются какими-то ссудосберегательными хлебными учреждениями, всегда готовыми к услугам сделать из них позаимствование»⁴³. Отношение к засыпанному в магазин хлебу как к личной собственности иллюстрируется просьбой крестьянина Барнаульского уезда И. Тарасова разрешить ему забрать хлеб, сданный его отцом в один из магазинов Воронежской губернии задолго до переселения в Сибирь⁴⁴.

Такое отношение влекло за собой неаккуратность в возвращении продовольственных долгов, самовольный разбор магазинов, порождало феномен «мертвого запаса», когда власти опасались использовать хлебные запасы не пострадавших от неурожая сельских обществ для помощи соседним областям из-за протестов крестьян. Круговая порука при взимании продовольственных долгов подталкивала крестьян к требованию ссуд всем, в том числе и не нуждающимся в них⁴⁵. Вот что писал в ВЭО в 1898 г. землевладелец Курской губернии А. А. Трель: «Мужик ... никак не может примириться с тем, что если одному дают помощь в виде ссуды, то чтобы не дали ее и другим; не нуждающийся в помощи и даже могущий помочь другим говорит, что ему придется отвечать за голодающего соседа, так как порука круговая, и требует во что бы

³⁶ Исторический обзор правительственных мероприятий. Ч. 2. С. 1, 3.

³⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 9. № 7253. С. 691–705.

³⁸ Лично свободных, но феодально-зависимых крестьян в Молдавии.

³⁹ Исторический обзор правительственных мероприятий... С. 82, 145–147.

⁴⁰ Мацузато К. Хлебозапасная система в России. С. 186.

⁴¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп. 2. Д. 963. Л. 110об.–111об.

⁴² Цит. по: Мацузато К. Хлебозапасная система в России. С. 188.

⁴³ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 963. Л. 127 об.–128.

⁴⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 130. 1901 г. Д. 269. Л. 235–235 об.

⁴⁵ Мацузато К. Хлебозапасная система в России. С. 186–187, 189.

то ни стало свою часть. В 1891 году мне приходилось наблюдать общества, где была половина голодных и половина имущих, что было хорошо известно и ближайшему начальству — земскому начальнику, но ссуду брали все, иначе общество не соглашалось на составление приговора о помощи и было беспощадно к своим односельчанам⁴⁶. Все это способствовало накоплению недоимок, потому одной из важнейших забот правительства была индивидуализация уплаты продовольственных долгов. Введением в 1900 г. с нового закона о продовольственном деле круговая порука при их взыскании была отменена⁴⁷.

Когда местных запасов не хватало, в дело вступало государство. Уже правительство Бориса Годунова во время голода 1601–1603 гг. прибегало к раздаче населению денег, организации общественных работ и продаже хлеба по умеренным ценам⁴⁸. Сложившуюся в конце XVIII — начале XIX вв. практику борьбы с неурожаями законодательно закрепили продовольственные уставы 1822 и 1834 г.

Ссуды из всех источников выдавались в соответствии со степенью нужды (обратно пропорциональной кредитоспособности крестьянского хозяйства). Бедные хозяйства зачастую и в нормальные годы не имели излишков хлеба, позволявших погасить задолженность. Таким образом, в продовольственной системе имелись предпосылки к накоплению долгов⁴⁹, которые не замедлили реализоваться во время голода 1891–1892 гг., ставшего поворотным моментом в истории продовольственного дела.

Катастрофический неурожай 1891 г. показал несовершенство организации продовольственного дела. Запасы в сельских магазинах оказались недостаточными. Земства прибегли к закупке хлеба, несогласованность их действий привела к конкуренции и скачку цен⁵⁰. В ситуацию вмешалось правительство, запретив хлебный экспорт и выделив значительные средства из казны для помощи голодающим. В итоге «вся правительственная и финансовая политика того времени, заключавшаяся сперва в замалчивании факта неурожая, а затем в воспрещении вывоза хлеба, вызвавшем панику на рынке, и в усиленной, но запоздалой и очень плохо организованной закупке хлеба, чуть не с аукциона, представителями земств разных губерний и привоз

его издалека вместо использования местных запасов в продовольственную кампанию 1891–1892 гг. всего более повредили делу»⁵¹. Всего в продовольственную кампанию 1891–1892 гг. выдано в ссуды свыше 109 млн. пудов хлеба⁵² (1,8 млн. тонн). За 1891–1893 гг. на помощь населению правительство израсходовало около 175 млн. руб.⁵³ (для сравнения: в 1891 г. его расходы на оборону составили 296 млн. руб.)⁵⁴.

Широкие масштабы помощи повлекли огромный рост задолженности по ссудам крестьян, не успевших восстановить свое пострадавшее от неурожая хозяйство. К 1 января 1901 г. возвращено было лишь 19 млн. руб., а долг составил 52,7 млн. руб.⁵⁵. Более 100 млн. руб. недоимок по продовольственным долгам с крестьян было сложено; ссудная помощь приобретала характер безвозвратной. Эти меры «внушили крестьянам ту пагубную мысль, что продовольственная помощь оказывается им безвозвратно, что продовольственных ссуд с них обратно взыскивать не будут»⁵⁶. Негативное влияние фактически дарового пособия на крестьян и проистекающее из него пренебрежение к труду отметил Л. Н. Толстой, один из организаторов благотворительной помощи голодающим⁵⁷. Помня о круговой поруке, крестьяне требовали равной помощи для всех, а не только для нуждающихся: «На каждое исключение кого бы то ни было из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть уже как на притеснение, на злоупотребление»⁵⁸. Позднее эти настроения так укрепились, что иногда даже оборачивались агрессией по отношению к благотворителям. Показателем приведенный А. С. Ермоловым факт поджога дома священника в Тамбовской губернии в 1906 г. Его «вина» состояла в том, что он оказывал помощь только действительно нуждавшимся⁵⁹.

⁵¹ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 102–105, 109.

⁵² Подсчитано по: Статистические данные по выдаче ссуд на обсеменение и продовольствие населению, пострадавшему от неурожая в 1891–1892 гг. СПб., 1894. С. 3.

⁵³ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 104.

⁵⁴ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М., 2003. С. 146.

⁵⁵ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 176–177.

⁵⁶ Там же. С. 143. См. также: [Ермолов А. С.] Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 80–81.

⁵⁷ Толстой Л. Н. О голоде // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985. Т. 17. М., 1984. С. 155–156.

⁵⁸ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 111.

⁵⁹ Отчет председателя Центрального Комитета А. С. Ермолова по езде в пострадавшие от неурожая 1906 г. губернии. Б. м., б. г. С. 11–12.

⁴⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 963. Л. 203 об.–204.

⁴⁷ Мауцзато К. Хлебозапасная система в России. С. 187.

⁴⁸ Исторический обзор правительственных мероприятий... Ч. 1. С. 6.

⁴⁹ См.: Воропонов Ф. Ф. Наша продовольственная система // Вестник Европы. 1899. № 1. С. 172–185; Мауцзато К. Хлебозапасная система в России. С. 187; Сухоплюев И. К. Основной принцип действующей продовольственной системы. Одесса, 1906.

⁵⁰ Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / Сост. Г. Г. Савич. Вып. 1. СПб., 1900. С. 8, 11.

Как среди чиновников, так и среди части общества было распространено представление о том, что значительная часть крестьян скрывает истинное положение дел, чтобы получить помощь. Типично мнение самарского губернатора А. С. Брянчанинова: «Население, привыкшее к выдаче ссуд, пользуется каждым удобным случаем к возбуждению часто неосновательных ходатайств ... даже, подав прошение о выдаче ссуды, спешит несвоевременно продать имеющийся у него хлеб, считая наличность его помехой к получению просимой ссуды»⁶⁰. Эти представления имели под собой реальные основания, но могли привести и к необоснованным отказам в государственной помощи. Следствием стали предписания тщательно выяснять степень нужды ходатайствовавших о ссуде.

Обязательные платежи, к которым принадлежали и продовольственные долги, крестьяне выплачивали неаккуратно, стараясь дождаться очередного сложения недоимок в честь какого-либо события⁶¹. Председатель Аккерманского уездного земства В. М. Пуришкевич писал в ВЭО в 1898 г.: в селах уезда «наблюдается ... аккуратность к платежам повинностей необязательных и полное отсутствие ее в платежах обязательных по земским налогам и по возврату полученных из продовольственных капиталов ссуд», что характерно для всей Бессарабской губернии⁶². Показателен случай, имевший место в Нижне-Илимской волости Иркутской губернии. Экономическое положение крестьян этой волости в результате неурожая 1897 г. и лесных пожаров (одним из источников заработка местного населения была охота за пушным зверем) ухудшилось, «но не в такой степени, чтобы можно было признать ... положение бедственным»; этим «воспользовался для своих корыстных побуждений один из ссыльнопоселенцев Тучков, который, желая получить заработок от написания нескольких прошений, начал убеждать крестьян в том, что им следует обратиться с ходатайством о продовольственной субсидии на посев и продовольствие, прося таковую в возможно большем размере. При этом Тучков ... уверил крестьян в том, что продовольственные и посевные ссуды им не придется возвращать, так как ожидается рождение НАСЛЕДНИКА Престола, после чего по ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ Манифесту будут сложены все недоимки. Вследствие своего невежества крестьяне прельстились перспективой безвозвратного получения правительственного пособия и последовали советам Тучкова. Таким образом случилось, что крестьянам

⁶⁰ РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001. Л. 23.

⁶¹ См. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 330–334.

⁶² РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 963. Л. 3–3 об.

Нижне-Илимской волости были выданы в 1897–1898 гг. ссуды на посев и продовольствие несколько большего размера, чем того требовало истинное положение вещей»; в 1902 г. «многие из крестьян ... продолжают надеяться на то, что рано или поздно с них будет сложен долг за заготовленный для них на средства казны продовольственный и семенной хлеб в 1897–1899 гг. Результатом такого ожидания является систематическое уклонение крестьян от погашения числящихся за ними недоимок»⁶³.

Закономерное следствие такого отношения к платежам — рост продовольственных долгов. В дальнейшем сокращение ссуд и перенос центра тяжести на другие виды помощи (общественные работы) станет одной из приоритетных задач реформирования продовольственной системы: «Такой вид помощи — доставление крестьянам заработков — неизмеримо лучше даровой раздачи хлеба или даже выдаче его в ссуду при всегда присущей крестьянству и часто оправдывающейся надежде, что погашения этих ссуд в конце концов с него не потребуют»⁶⁴. В неурожай 1897 г. цель продовольственной кампании, согласно циркуляру МВД, заключалась не «в возмещении произошедших от неурожая потерь», а «лишь в некотором облегчении нужд недостаточного населения в самых ограниченных размерах»⁶⁵. Несмотря на столь жесткую установку, на государственные средства было закуплено 34,4 млн. пудов хлеба⁶⁶.

С 1891 г. роль земств в продовольственном деле стала уменьшаться. Уже в 1891–1892 гг. они функционировали фактически как государственные органы⁶⁷. После «Царь-голода» комиссия МВД под председательством В. К. Плеве проанализировала продовольственную кампанию 1891–1892 гг. и пришла к выводу, что организацию системы народного продовольствия, в которой земства играли одну из главных ролей, нужно изменить. Комиссия предъявила земствам следующие претензии: уезд в качестве первичной единицы земского управления слишком велик, и земские деятели не могли проверить списки нуждающихся; земства не имели единой организации, что приводило к конкуренции между ними при закупке хлеба; уездные и губернские земские собрания не являлись постоянными органами, что мешало принятию своевременных мер⁶⁸.

⁶³ Там же. Ф. 1291. Оп. 130. 1901 г. Д. 269. Л. 438–439.

⁶⁴ Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 10.

⁶⁵ Цит. по: Продовольственный вопрос в 1897–98 гг. С. 78.

⁶⁶ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. С. 154.

⁶⁷ См. Robbins R. G. Famine in Russia. P. 169.

⁶⁸ Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. С. 83–88.

Во время неурожая 1897–1898 гг. продовольственной кампанией руководило межведомственное совещание при МВД и Департаменте торговли и мануфактур⁶⁹. В 1900 г. новыми продовольственными правилами земство устранено непосредственно от надзора за хлебозапасными магазинами.

Постоянным пунктом столкновений центральной власти и земств было определение размера продовольственной нужды населения в неурожай. Столкнулись «два течения — земское, в заботах об обеспечении максимума правительственной поддержки и как ходатай за интересы своего района, и правительственное, в заботах о том, как бы не навалить на плечи государства непосильное бремя и в опасении, что широкая экономическая помощь пагубно отразится в отношении моральном...»⁷⁰. На самом деле причина крылась скорее в отсутствии точной сельскохозяйственной статистики, позволявшей заблаговременно вычислить необходимое количество помощи. М. А. Давыдов, проанализировав данные Центрального статистического комитета (ЦСК) об урожае, полученные от волостных правлений, и данные о перевозках хлебов, пришел к выводу, что в неурожайные годы происходило систематическое занижение сборов хлебов⁷¹. Об этом были прекрасно осведомлены власти: «Было в Государственном совете мною сказано, что при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение, МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может»⁷²; «большинство крестьян-хозяев уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород»⁷³. Это обстоятельство, а также стремление не допустить «излишней» помощи, ведущей к долгам, которые явно возвращены не будут, толкало правительство на уменьшение количества требуемого земствами хлеба и давало повод для критики со стороны оппозиционных сил.

Еще одним большим вопросом стало взаимодействие административных органов и частных благотворителей. В «Царь-голод» 1891–1892 гг. частная

благотворительность получила распространение⁷⁴, а затем власти стремились ограничить ее размер, поставить ее в зависимость от администрации, а по возможности заменить «казенной». Жалобы на притеснения довольно часты в публицистике⁷⁵. Помимо стремления согласовать действия всех сил по помощи голодающим причины этого начинания властей кроются в следующем. Публиковавшиеся отчеты и записки частных благотворителей нередко концентрировались на крайностях⁷⁶ и указывали на действительные или вымышленные злоупотребления властей, которые те пытались скрыть, чтобы не раздражать общественное мнение. В таких мероприятиях, как продовольственные кампании, касающихся миллионов людей и ведущихся на огромной территории, неизбежны ошибки, недостатки, огрехи; делая обобщения, важно не попасться в «ловушки единичных свидетельств» (выражение П. Грегори).

Многие оппозиционно настроенные общественные деятели представляли саму возможность голода в XX в. едва ли не как национальный позор. И. К. Сухоплюев писал: «...те страны, в которых неурожай сопровождаются голодами и массовыми заболеваниями на почве голода, стоят на низшей ступени культурного и политического развития, на низшей ступени экономического благосостояния»⁷⁷. С. С. Ольденбург с горечью отмечал: «В центральных областях России, в самой сердцевине государства, каждый неурожай грозил вызвать голод, требующий широкой помощи от государства. В западной Европе таких явлений не было уже давно; а если в Индии, в Китае бывало много хуже — это не могло никак служить „утешением“: ведь во всех других отношениях Россия стояла неизмеримо выше „азиатских“ условий»⁷⁸. Описываемые прессой злоупотребления (неважно, действительные или вымышленные) стали эффективным орудием антиправительственной пропаганды. Негативную роль сыграла политика властей по «замалчиванию» бедствия: чтобы

⁶⁹ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 154.

⁷⁰ Шмурло Е. Голодный год (1898–1899). Письма в «С.-Петербургские ведомости». М., 1900. С. 85.

⁷¹ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. С. 65.

⁷² Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 540–541.

⁷³ Там же. С. 378–379.

⁷⁴ См., напр.: Короленко В. Г. В голодный год. Наблюдения, размышления и заметки. 4-е изд. СПб., 1902.; Толстой Л. Н. О голоде. С. 139–170.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Внутреннее обозрение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. 298–299; Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. С. 131–136, и др.

⁷⁶ Грегори П. Экономический рост Российской империи... С. 16–18.

⁷⁷ Сухоплюев И. К. Неурожай и массовые заболевания голодающего населения. С. 42.

⁷⁸ Ольденбург С. С. Царствование Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 166. Голод Индии и Китае в тот период унес миллионы жизней (по приблизительным подсчетам, во 2-й половине XIX в. от голода в Индии погибло 12–29 млн. человек, в Китае — 20–30 млн.), чего в России не было. См.: Дэвис Р., Уиткрофт С. Сельское хозяйство СССР: 1931–1933. М., 2011. С. 406.

не увеличивать панику, в 1891 г. вместо слова «голод» в правительственных сообщениях употреблялись слова «недород», «неурожай», «бедствие»⁷⁹, это продолжалось и в последующие годы. «Популярное словечко [«недород»] действовало на всех успокоительно», — писал известный гигиенист В. В. Фавр⁸⁰.

Вторым обстоятельством, побуждавшим администрацию теснить частную благотворительность, была боязнь революционной пропаганды. Казанский губернатор П. А. Полторацкий писал в отчете за 1901 г.: «Сосредоточение благотворительной деятельности в руках такого компетентного учреждения, как Общество Красного Креста, представляется крайне желательным в годы несчастий, так как, упорядочивая дело помощи ближним, вместе с тем устраняет необходимость частной благотворительности, действовавшей, как показал опыт 1898 г., без системы и нередко через лиц, проявлявших при этом вредно-агитаторскую деятельность»⁸¹. Революционные партии действительно вели агитацию в неурожайных районах⁸², но, как показывают исследования, крестьяне были удивительно нечувствительны к пропаганде, исходившей от «людей, носивших немецкое платье» (выражение Н. Г. Чернышевского)⁸³. Голод 1891–1892 гг. не повлек масштабных крестьянских выступлений⁸⁴.

Частных благотворителей пытались заставить действовать не самостоятельно, а через Красный Крест, занимавшийся в основном ликвидацией спутников голода — цинги и тифа. Помощь осуществлялась через организацию столовых и больниц. Со столовыми о были связаны различные конфликты; их меню включало продукты, недоступные беднейшим слоям деревни и в благополучные годы, и крестьяне пытались, имитируя болезни, попасть в списки

«столюющихся»⁸⁵. В помощи голодающим участвовали и другие организации, например, ВОЭ. Однако деятельность последнего из-за давления властей к началу 1900-х гг. замерла и возобновилась лишь к 1905 г.⁸⁶ Православная церковь занималась сбором пожертвований в пользу голодающих, священники и монахи участвовали в работе столовых, в монастырях устраивались приюты⁸⁷.

После голода 1891–1892 гг. частная благотворительность пошла на спад, и причиной этого стало отношение крестьян к благотворителям: «...последствия не оправдали ... надежд ... на закрепление в будущем моральной связи между крестьянами и приходившими им на помощь высшими классами населения. ... Многие из бескорыстных и самоотверженных деятелей того времени постигло горькое разочарование, благодаря упомянутому выше отношению крестьян к оказываемой им помощи и к тем лицам, которые ее оказывали, иногда на свой личный счет, без всякого пособия со стороны. Крестьяне в бескорыстие их не только не верили, а, напротив, подозревали их в том, что присланные им якобы от Царя деньги они утаивали, обращали в свою пользу. Хотя эти лица действовали, конечно, не в расчете на благодарность крестьян, такое к ним отношение охладило их пыл и в последующие годы этот подъем духа, этот широкий размах частной благотворительности никогда уже в таких размерах, как после неурожая 1891 г., более не повторились»⁸⁸.

Итак, продовольственное дело в 1890-е гг. перетерпело значительные изменения вследствие голода 1891–1892 гг. Существовавшая система оказалась не в силах предотвратить негативные последствия неурожая, потребовалось масштабное вмешательство государства. В голодные 1867–1868 гг. ассигнования из казны и различных денежных капиталов составили 1 млн. руб., в 1872–1873 гг. — 2 млн. руб., в 1880 г. — 10 млн. руб.⁸⁹, а после неурожая 1891 и 1892 гг. — почти 175 млн. руб. Широкие масштабы помощи

⁷⁹ Robbins R. G. Famine in Russia. P. 64.

⁸⁰ Фавр В. В. О голодном хлебе 1898 года. Харьков, 1899. С. 2.

⁸¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 119. 1902 г. Д. 119. Л. 6 об. — 7.

⁸² В 1912 г. 6-я Всероссийская конференция РСДРП постановила «напрячь все социал-демократические силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревне в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространяя политические требования социал-демократии: свержение царской монархии, учреждение демократической республики, конфискация помещичьей земли» (VI /Пражская/ Всероссийская конференция РСДРП. 5–17 /18–30/ января 1912 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 145).

⁸³ См. Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 304–317.

⁸⁴ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 297.

⁸⁵ См. Шмурло Е. Голодный год... С. 171, 176–177.

⁸⁶ Орешкин В. В. Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. М., 1987. С. 55.

⁸⁷ См.: Анкаримова Е. Ю. Церковно-приходская благотворительность на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 284–285; Власова А. В. Милосердие и патристическое служение Русской православной церкви в годы стихийных бедствий на Урале (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 44–51; Синельников С. П. Русская православная церковь и голод 1891–1892 гг. // Волга. 1999. № 12. С. 58–61, и др.

⁸⁸ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 116–118.

⁸⁹ Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. С. 7.

влекли рост недоимок по продовольственным долгам. В дальнейшем рост задолженностей предотвращался путем ограничения правительственной помощи и тщательной проверки степени нужды просителей.

Возросшая роль государства в продовольственном деле получила отражение во «Временных правилах по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» (1900)⁹⁰. Согласно им, обеспечение крестьян зерном для продовольствия и посева, как и прежде, осуществлялось из сельских запасных магазинов либо из денежных капиталов: общественных, частных, губернских и общеимперского. На сельское население налагались особые сборы для пополнения местных запасов, вносимые деньгами или зерном. Максимальный размер ежегодного сбора составлял не более половины пуда с души. Право на продовольственную ссуду имели все, кто уплатил сбор. Ссуды выдавались в случае неурожая, когда в хозяйствах была нехватка продовольственного и семенного зерна, и при этом отсутствовало имущество, которое можно было бы продать без существенного урона для хозяйства, а члены хозяйства не имели заработков. Максимальный размер продовольственной ссуды составлял пуд зерна в месяц для взрослых и половину пуда для детей, не достигших 5-летнего возраста. Ссуды следовало вернуть в срок не более 3 лет, в особых случаях — не более 6 лет. Находившимся на призрении сельских обществ, а также не входившим в их состав и при этом занимавшимся земледелием и не имевшим средств к существованию полагались безвозвратные пособия.

Общее попечение о продовольственном деле возлагалось на министра внутренних дел. Заведывание продовольственным делом сосредоточилось в Земском отделе МВД. Каждая волость составляла продовольственный участок, заведовал которым попечитель из числа волостных старшин, местных землевладельцев, приходских священников, крестьян и других лиц, проживавших в данной местности и «заслуживающих доверия».

Таким образом, основы продовольственной системы не были изменены, совершилось лишь ее административное преобразование. Положительными моментами были безвозвратные пособия для отдельных групп населения и увеличение размеров ссуды⁹¹. С 1 января 1901 г. правила вводились в

46 губерниях Европейской России⁹². Однако реальная передача сельской продовольственной части в руки крестьянских учреждений случилась в большинстве губерний лишь 1 июля⁹³.

В местностях, на которые правила 1900 г. не распространялись, действовал Устав об обеспечении народного продовольствия (1892)⁹⁴. В старшинствах Внутренней киргизской орды с 1892 г. имелись общественные запасы сена, достигшие к 1901 г. 3 млн. пудов⁹⁵. Для киргизов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей в 1898 г. созданы продовольственные капиталы из расчета 1 руб. на кибитку.

К плюсам правил 1900 г. А. С. Ермолов отнес отмену круговой поруки, введение безвозвратных пособий для сельских обывателей, пострадавших от неурожая, но не входивших в состав сельских обществ, а также устранение конкуренции между земствами по закупкам хлеба; однако в целом правила ухудшили продовольственную систему⁹⁶. Один из основных недостатков заключался в сосредоточении «главной части продовольственного дела в руках администрации, с оставлением в руках земств только подсобных операций» и изъятии губернских продовольственных капиталов из ведения земских учреждений. Списки нуждавшихся составляли сельские общества и волостные правления, проверка списков производилась в административном порядке, а четкие критерии нужды и ее признаки отсутствовали. Административные органы несли лишь дисциплинарную ответственность, а земства — имущественную⁹⁷.

Земства встретили новый закон враждебно. Их представители полагали, что невозможно отделить меры по обеспечению народного продовольствия от мер, направленных на подъем сельского хозяйства в целом, нельзя разделять «продовольственные обязанности» между двумя учреждениями (по правилам земства должны были заниматься только обеспечением корма для скота). Упоминалось об атмосфере конкуренции между администрацией и земствами и об отсутствии доверия населения к первой, о бюрократизме⁹⁸.

⁹⁰ ПСЗ РИ. Собр. 3-е Т. 20. Отд. 1. № 18855. С. 764–778.

⁹¹ В кампанию 1891–1892 гг. средняя выдача хлеба на одного едока составила 30 фунтов, а к 1906–1907 гг. — 35 фунтов. См.: Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 400.

⁹² Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. С. 2.

⁹³ Там же. Вып. 2. С. 43–44.

⁹⁴ Там же. Вып. 3. С. 3–89.

⁹⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18892. Л. 4, 6 об.

⁹⁶ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. 2. С. 57.

⁹⁷ Там же. Ч. 1. С. 228–229.

⁹⁸ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909. С. 335–336.

Введение правил рассматривалось лишь как этап продовольственной реформы. Окончательное решение вопроса было делом будущего, и уже в продовольственную кампанию 1901–1902 гг. «Временные правила» были дополнены циркуляром министра внутренних дел. В дореволюционной публицистике указывалось, что установленный правилами размер продовольственных ссуд недостаточен для полноценного питания⁹⁹. Ныне проблема питания населения дореволюционной России является предметом острой дискуссии¹⁰⁰.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств, проводившиеся в разное время в различных губерниях, показали, что реальное годовое потребление хлеба на душу населения колеблется от 11 до 24,2 пуда¹⁰¹. Исследователи полагают, что из-за недостатков они непригодны для выводов о питании крестьянства¹⁰². Нет единства и в оценке того, какой уровень потребления считать достаточным. Наиболее низкими были правительственные нормы. Комиссия Плеве, рекомендуя установить максимальный размер продовольственных ссуд, опиралась на статистические данные по кампании 1891–1892 гг.; средний размер выдачи на одного едока составлял около 30 фунтов в месяц¹⁰³. По отзывам местных совещаний по обсуждению продовольственной системы, инициированному МВД в эти годы, 30 фунтов продовольственной ссуды на взрослого и 20 фунтов на ребенка было достаточно¹⁰⁴. В циркуляре Д. С. Сипягина от 17 августа 1901 г. говорилось, что взрослому человеку в год достаточно 12 пудов хлеба, а ребенку — 6 пудов¹⁰⁵. ЦСК называл 13 пудов всякого хлеба в год¹⁰⁶. По мнению А. С. Посникова и А. И. Чупрова, правительственные нормы выражали «минимальную

потребность, при которой в годы недобора хлеба может поддерживаться целостность населения»¹⁰⁷. П. М. Лохтин рассчитал, что «для поддержания жизни в полуголодном состоянии, без способности к работе» требуется 12,7 пудов хлеба и картофеля в год (при том, что крестьяне имеют до 25 % прочей пищи)¹⁰⁸. К. Ф. Головин, принимая за основание размер продовольствия, установленный в войсках и помещичьих экономиях, оценивал ежегодную потребность в хлебе в 15 пудов на душу населения¹⁰⁹. Л. Н. Маресс считал минимальной нормой в год 19 пудов хлеба и картофеля (в переводе на хлеб)¹¹⁰. Размер продовольственной ссуды сопоставляли с размерами пайков членам семей мобилизованных в годы Первой мировой войны: паек взрослого человека составлял 1 пуд 28 фунтов муки в месяц, не считая других продуктов (крупы, соли, постного масла)¹¹¹.

Исходя из сказанного, мы предположили, что размер ссуды в 1 пуд в месяц мог обеспечить минимальный уровень потребления, необходимый для выживания. Этот вывод подтверждают оценками и пояснения официальных лиц. Так, Земский отдел МВД в 1902 г. разъяснил: «Норма продовольственных ссуд населению, пострадавшему от неурожая, установлена исключительно для сельских обывателей, занимающихся земледелием, очевидно, в предположении, что и при неурожае сельское население имеет некоторый, хотя и скудный, сбор хлебов и недостаток в продовольствии восполняется отчасти сбором картофеля и других подсобных для питания корнеплодов»¹¹². В 1906 г. П. А. Столыпин пояснял: «Правительство и министерство [внутренних дел], приняв все зависящие от него меры обеспечить продовольствие населению, тем не менее не может не удостоверить, что без самодеятельности самого населения оно не может вполне удовлетворить его потребности, так как по самому закону размер пайка продовольствия равняется для взрослого человека 1 пуд в месяц, а для малолетнего — 20 фунтам»¹¹³. В официальном отчете по продовольственной кам-

⁹⁹ См., напр., *Сухоплюев И. К.* Неурожай и массовые заболевания голодающего населения. С. 51–52.

¹⁰⁰ См.: О причинах Русской революции. М., 2010.

¹⁰¹ См.: *Нефедов С. А.* О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. С. 34–35.

¹⁰² См.: *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. С. 230–254; *Нефедов С. А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 126–137.

¹⁰³ Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 1. С. 187.

¹⁰⁴ *Ермолов А. С.* Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. 1. С. 190.

¹⁰⁵ Циркуляр министра внутренних дел 17 августа 1901 г., № 20, начальникам губерний, пострадавших от неурожая 1901 г. // Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 2. С. 53.

¹⁰⁶ См.: Главные результаты урожая 1892 года. СПб., 1893; Средний сбор хлебов и картофеля в десятилетие 1893–92 гг. в 60 губерниях Европейской России по отношению к народному продовольствию. СПб., 1894.

¹⁰⁷ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. I. С. II.

¹⁰⁸ *Лохтин П. М.* Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами: итоги к XX веку. СПб., 1901. С. 243.

¹⁰⁹ *Головин К. Ф.* Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896. С. 66–67.

¹¹⁰ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. С. I–II.

¹¹¹ *Поринева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 98.

¹¹² РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001. Л. 181.

¹¹³ Ответ на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим, данный 12 июня 1906 г. // *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 2011. С. 45.

пании 1911–1912 гг. говорилось: «Установленная Временными продовольственными правилами норма продовольственных ссуд является в годы сильных недородов недостаточной, особенно для населения некоторых восточных губерний и областей»¹¹⁴.

Следует учесть, что в отдельных случаях ссуды не доходили до получателей целиком. Например, крестьяне, не имевшие лошадей, могли платить зерном из ссуд за перевозку своим более зажиточным односельчанам.

Крестьяне деревни Ново-Михайловки Николаевского уезда Самарской губернии в 1912 г., обращаясь к местному священнику, указывали, что после платы за помол и за перевозку остается лишь один фунт в день на человека¹¹⁵. Л. Н. Липеровский, участвовавший в благотворительной помощи голодающим в Бузулукском уезде Самарской губернии, добавлял: «Когда мука, наконец, попадала в крестьянскую избу, каждый пуд весил фунтов на 6–7 меньше»¹¹⁶.

Список литературы:

1. Robbins R. G. *Famine in Russia, 1891-1892: the Imperial Government Responds to a Crisis*. New York; London, 1975.
2. Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: Сб. науч. статей. Оренбург, 2006.
3. Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: Сб. стат. Оренбург, 2007.
4. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М., 2003.
5. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003.
6. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1–2. СПб., 1909.
7. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. Ч. I–II. СПб., 1892.
8. Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // *Российская история*. 2011. № 3. С. 91–101.
9. Круглов В. Н. Царь-голод. Факты против мифов // *Сборник Русского исторического общества*. Том 11 (159): Правда истории. М., 2011.
10. Мацузато К. Хлебозапасная система в России. 1864–1917 годы // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 185–197.
11. Миронов Б. Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России*. М., 2010.
12. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.
13. Нефедов С. А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 126–137.
14. Першин П. Н. *Аграрная революция в России*. Кн. 1. М., 1966.
15. *Продовольственный вопрос в 1897–98 гг.* СПб., 1898.
16. *Сборник правил по обеспечению народного продовольствия* / Сост. Г. Г. Савич. Вып. 1–3. СПб., 1900–1903.
17. Сухоплов И. К. *Основной принцип действующей продовольственной системы*. Одесса, 1906.
18. Сухоплов И. К. *Последствия неурожаев в России*. М., 1906.

References (transliteration):

1. *Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v XVIII–XX vv.* Sb. nauch. statey. Orenburg, 2006.
2. *Agrarnoe razvitie i prodovol'stvennaya politika Rossii v XVIII — XX vekakh: problemy istochnikov i istoriografii*: Sb. stat. Orenburg, 2007.
3. Davydov M. A. *Ocherki agrarnoy istorii Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.* (Po materialam transportnoy statistiki i statistiki zemleustroystva). M., 2003.
4. Ermolov A. S. *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros*. Ch. 1–2. SPb., 1909.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1044. Л. 309.

¹¹⁶ Липеровский Л. Н. Жизнь и работа в деревнях Бузулукского уезда Самарской губ. // Школьные столовые. Помощь голодающим в 1912 году. М., 1913. Приложение. С. 9.

¹¹⁴ Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. С. 77.

5. Gregori P. Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki. Per. s angl. M., 2003.
6. Istoricheskiy obzor pravitel'stvennykh meropriyatiy po narodnomu prodovol'stviyu v Rossii. Ch. I–II. SPb., 1892.
7. Kornilov G. E. Formirovaniye sistemy prodovol'stvennoy bezopasnosti naseleniya Rossii v pervoy polovine KhKh veka // Rossiyskaya istoriya. 2011. № 3. S. 91–101.
8. Kruglov V. N. Tsar'-golod. Fakty protiv mifov // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Tom 11 (159). Pravda istorii. M., 2011.
9. Matsuzato K. Khlebozapasnaya sistema v Rossii. 1864–1917 gody // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 3. S. 185–197.
10. Mironov B. N. Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii. M., 2010.
11. Nefedov S. A. Demograficheski-strukturnyy analiz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Konets XV — nachalo XX veka. Ekaterinburg, 2005.
12. Nefedov S. A. Uroven' potrebleniya v Rossii nachala XX veka i prichiny russkoy revolyutsii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 5. S. 126–137.
13. Pershin P. N. Agrarnaya revolyutsiya v Rossii. Kn. 1. M., 1966.
14. Prodovol'stvennyy vopros v 1897–98 gg. SPb., 1898.
15. Robbins R. G. Famine in Russia, 1891-1892: the Imperial Government Responds to a Crisis. New York; London, 1975.
16. Sbornik pravil po obespecheniyu narodnogo prodovol'stviya / Sost. G. G. Savich. Vyp. 1–3. SPb., 1900–1903.
17. Sukhoplyuev I. K. Osnovnoy printsip deystvuyushchey prodovol'stvennoy sistemy. Odessa, 1906.
18. Sukhoplyuev I. K. Posledstviya neurozhaev v Rossii. M., 1906.